

Мария Северская Звезда корта, или Стань первой!

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6603650
Мария Северская. Звезда корта, или Стань первой!: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-68436-6*

Аннотация

Теннис – один из самых популярных видов спорта в мире. Но за кажущейся простотой стоит весьма сложная техника и годы тренировок. Первую ракетку Марго подарила мама, и она же привила девочке любовь к теннису. Упорный труд сделал из Марго настоящую королеву корта, сильную, упорную, волевою. Правда, мало кто знает, что пришлось пережить юной спортсменке и чего стоили золотые медали мировых турниров. Сможет ли Марго исполнить свою самую главную, самую заветную мечту – победить на Олимпийских играх?

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мария Северская

Звезда корта, или Стань первой!

Часть 1

Падение

Если бы кто-то спросил у Марго, когда она в последний раз отдыхала, она вряд ли смогла бы вспомнить. Давно. То ли пять, то ли шесть лет назад. Еще при маме.

Да и кто бы ее попросил – вспомнить-то? Некому. Немногочисленные близкие и так знают обо всех фактах ее биографии, а посторонним – наплевать. Впрочем, она бы на такой вопрос усмехнулась и сказала свое любимое: «В прошлой жизни...»

...Тогда они на целый жаркий летний месяц ездили к маминой сестре в Прибалтику. Побывали в Риге, Таллине, а затем в Вильнюсе, осмотрели достопримечательности, а после осели в небольшом приморском поселке со смешным названием Каркле, неподалеку от Клайпеды, где, собственно, и жила вот уже пятнадцать лет мамина старшая сестра и ее муж.

Теперь Марго вспоминала эти дни как одни из самых счастливых в своей жизни, потому что в них было все, что нужно человеку, – янтарное солнце, бирюзовое море, насыщенный ароматом сосновой смолы прозрачный воздух, шелест набегающих на берег волн и полная, абсолютная беззаботность. Они с мамой просыпались рано, брали с собой пакет вымытых еще с вечера фруктов и бежали на пляж – купались, загорали, в перерывах, лежа под тентом, вслух читали друг другу книги или разговаривали обо всем на свете: о Ритиной школе или маминой работе, о мальчиках, о будущем или о какой-нибудь совсем незначительной ерунде. Например, о том, что соседский кот научился открывать лапой дверцу холодильника и воровать оттуда сосиски, о чем не без гордости за своего сообразительного любимца рассказывала накануне соседка.

Да, в то лето Марго еще была Ритой, Ритулей, в крайнем случае Маргаритой. Марго она стала гораздо-гораздо позже. Не для других – для себя.

В последнюю неделю их пребывания на море к ним присоединился отец. Как ему удалось тогда вырваться, Марго до сих пор не понимает – спросила однажды, он лишь плечами пожал и тут же отвел глаза, перескочил на другую тему. Но его друг и коллега дядя Семен – много лет назад они, в то время еще совсем мальчишки, на пару собрали рок-группу – как-то шепнул ей, что Ритин отец тогда практически сбежал, никого не предупредив, прервал гастрольный тур накануне важного концерта и улетел к жене и дочери. Группа из-за этого чуть не распалась – был скандал, пришлось платить огромную неустойку, но обошлось. Да и спустя год никто из музыкантов уже не смел осуждать порыв своего коллеги, даже наоборот...

Как же хорошо им было всем вместе! Они всегда были настоящей семьей, настоящей командой, но на те семь дней словно стали единым целым, неразрывным, неразделимым. Они так любили друг друга, что все вокруг завидовали их счастью, улыбались им, стремились пообщаться. И то и дело Рита слышала: какие же у тебя замечательные родители! Как же вам всем друг с другом повезло!

Они трое, и правда, словно излучали свет – особенно родители, – Рита лишь грелась в его лучах.

Ей на память остались многочисленные фотографии – отец как раз привез с собой купленную на гастролях новенькую зеркалку и щелкал их, своих девчонок, практически без-

остановочно, каждую минуту. Так что их с мамой изображений набралось на целый толстенный альбом...

А вот снимков, где они все вместе, всей семьей, всего пять – на пляже, в кафе, на центральной площади, в саду и на веранде дома. Последний – с верандой – Марго любит особенно, он, распечатанный в большом формате в фотоателье, висит у нее над кроватью в московской квартире, и перед тем как заснуть, она подолгу смотрит на улыбающиеся лица родителей и думает о том, что она отдала бы все на свете, без исключений, за то, чтобы хоть на миг снова оказаться в приморском поселке Каркле! В тех днях, когда мама была рядом...

Но, как известно, прошлое нельзя вернуть назад. Никто еще не изобрел машину времени, вместо нее ученые изобретают кучу какие-то других, абсолютно, на взгляд Марго, ненужных вещей. Адронный коллайдер, например. Впрочем, кого интересует ее мнение?

Вот и Федор Николаевич ее не послушал. Как ни упрашивала она его, как ни уговаривала дать ей шанс, он был неумолим. Нет – и все. Выздоровливай, а там будет видно. А пока никаких тренировок, и даже близко к Дворцу спорта не подходи. Лучше вообще уезжай домой. Как говорится, с глаз долой...

Словно наказал Марго. А разве она виновата, что сломала запястье? И ладно бы во время соревнований, так нет же – на обычной ежедневной тренировке. Прыгнула, потянулась в полете, и вдруг ракетка перевесила – чего никогда прежде с Марго не случалось, – кисть как-то неудачно извернулась, всю руку до самого плеча пронзила боль, а затем еще и нога при приземлении отъехала в сторону, и девушка позорно растянулась на резиновом покрытии корта, всем весом навалившись на предательское запястье. Словно сглазил кто!

Никогда прежде Марго не приходилось ломать кости. Ушибы были – это да. И вывихи случались, и растяжения – без этого «счастья» профессиональный спорт, увы, невозможен. Но от переломов Бог миловал. Ровно до того самого дня.

Сидя на грязно-розовом резиновом покрытии, Марго редела в голос. И не от боли, хотя больно было до черных кругов перед глазами. От безысходности и обиды на злую судьбу, снова, в который уже раз, подставившую ей подножку. За слезы было стыдно, но перестать рыдать оказалось решительно невозможно, чем больше девушка старалась сдерживаться, тем обильнее текли по ее лицу соленые реки.

Прибежавший на зов тренера Пал Палыч – штатный доктор Дворца спорта – объяснил ее истерику нервным срывом и, прежде чем заняться сломанным запястьем, сделал Марго успокоительный укол, после которого она превратилась буквально в сонную муху.

Перелом оказался сложным, пришлось даже делать операцию. Впрочем, в больнице девушка пролежала недолго – всего неделю, в конце которой ее, с прочно зафиксированной аккуратной шиной рукой, отпустили домой.

Хотя, если честно, к тому моменту ей было уже все равно. Накануне знающий о ее состоянии здоровья из первых рук Федор Николаевич поставил Марго перед фактом: к грядущим соревнованиям пока будет готовиться другая спортсменка, а значит, ее шансы поехать через год на Олимпиаду стремятся к нулю. Мол, слишком большие ставки, времени совсем нет, сборы стартуют через две недели, а Марго кость сращивать минимум месяц, а затем еще трижды по столько же руку разрабатывать. Так что ловить тут нечего, и сантименты разводить, помня о прошлых ее заслугах, никто не будет. В общем, это спорт, детка. Отдыхай, ты свободна.

В квартиру возвращаться не хотелось. Как они с отцом ни старались, это жилье так и не стало им домом. Особенно страдала от этого Марго, пыталась создать уют, вешала на стены картины, покупала всякие декоративные вещицы, но помещение все равно оставалось чужим. Не ее домом.

«Отцу хорошо, – злилась она периодически, – он здесь бывает в лучшем случае раз в полгода, все остальное время мотается по заграницам. Скоро, наверно, вообще появляться перестанет».

В этом была своя правда. Год назад родитель Марго почти совсем переселился в небольшой швейцарский городок, даже домик там приобрел, откуда и ездил теперь по гастрольным турам. В России он бывал проездом, московской квартиры избегал, предпочитая останавливаться у своей матери, Ритиной бабушки, в Суздале, и, как результат, дочери почти не видел.

Хотя вряд ли бы они много времени проводили вместе, даже живя в одном пространстве. Дни Марго были расписаны по минутам, порой ей самой казалось, что в ее жизни нет ничего, кроме тренировок, сборов, соревнований и снова тренировок – каторжного, изматывающего труда. А как иначе, если ты желаешь чего-то добиться?

– Как бы мне хотелось быть на ее месте! – не раз вздыхала мама, когда они с Ритой, сидя перед телевизором, по которому шел очередной теннисный матч, пили парное молоко из больших кружек.

Вернее, это Рита пила молоко, а мама неотрывно следила за ходом игры. Воскликнула, нервничала, когда теннисистка, за которую она в этот раз болела, пропускала мяч, радовалась, если ее избраннице удавалось выиграть сет, а уж ежели та выходила победительницей, мама прыгала чуть ли не до потолка – в общем, вела себя как девчонка, и маленькая Рита в такие моменты смотрела на нее и восхищалась. Потому что в ее родителях – в маме особенно, – в отличие от родителей подруг, осталось так много детской непосредственности, что в их обществе Рита никогда не чувствовала себя ненужной, непонятой, глупой – ребенком, чьи проблемы и страхи яйца выеденного не стоят. От нее никогда не отмахивались, не говорили «потом» и «не сейчас», и «что ты пристаешь со своей ерундой», для нее не жалели времени, улыбок, объятий, и детство ее было самым счастливым.

Парадокс: мама никогда не смотрела теннисные матчи, в которых играли мужчины-спортсмены, и никогда две игры подряд не болела за одну и ту же теннисистку. Отец тепло над ней по этому поводу подтрунивал, говорил, мол, в жизни своей не встречал такой изменчивой женщины, как его жена, и хорошо, что ее изменчивость ограничивается лишь спортивными состязаниями по телевизору.

Рита спрашивала, почему родительница не выберет себе самую любимую спортсменку, пусть не российскую, пусть иностранную, но одну? Хорошо, пусть даже двоих или троих! Но нельзя же сегодня – в рамках одного чемпионата – болеть за одну спортсменку, а завтра уже за ее соперницу. Мама в ответ лишь загадочно улыбалась и пожимала плечами.

– Мне просто нравится игра, – говорила она. – Иногда я представляю себя на месте этих девушек. Не на месте одной из них, а на месте каждой.

Маленькая Рита пыталась понять, как это, но не могла.

В детстве она сотни, тысячи раз слышала мамин рассказ о том, как та – тогда еще девушка-подросток – была зрительницей на своем первом теннисном матче. Это было в Англии, куда маминого отца, Ритиного деда – сотрудника российского торгового представительства – отправили в двухгодичную командировку вместе с семьей – женой и дочерьми.

На тот турнир мама попала случайно. Отца пригласили его английские друзья, и пойти туда он должен был со своей женой, но та с утра мучилась головной болью, и в итоге отец взял с собой тринадцатилетнюю младшую дочь, хотя и не был уверен, что ей такое времяпрепровождение придется по вкусу.

Но Ритина мама была в восторге. Она всю игру просидела как замороженная, словно смотрела не как перебрасывают друг другу ракетками желтый прыгучий шарик две рослые

крепкие девицы, а захватывающую театральную постановку с участием самых известных актеров.

Ей понравилось все без исключений – от костюмов теннисисток до правил игры, про которые она подробнее расспросила приятеля отца – англичанина. Тот, видя такой интерес, посоветовал ее отцу отдать дочь в теннис, но отец был категорически против. Он считал, что спорт – это пустая трата времени и его дочери не должны посвящать ему свои жизни, даже их часть. Одно дело утренняя зарядка – это и для здоровья полезно, и времени много не отнимает, и совсем другое – посещение каких-либо секций. Он был уверен, что чрезмерные занятия спортом портят женскую фигуру, делая ее слишком похожей на мужскую. Да и будущее своих дочерей он видел совершенно другим – престижный институт, выгодное замужество...

В общем, теннисом Ритина мама заниматься не стала. Но и такого будущего, какое прочил ей ее отец, у нее не случилось. Вместо того самого выгодного жениха, о котором мечтал ее родитель, она, учась на третьем курсе института, познакомилась с Ритиным отцом – бедным студентом музыкального училища, влюбилась и почти сразу, не сказав ничего своим маме и папе, вышла за него замуж. А через год родилась Рита, так что и доучиться ей не пришлось.

Рита не знала, жалеет ли мама о том, что так и не окончила институт, но вот о теннисе она жалела точно. Ту историю – про то, как она была зрительницей на игре в Англии, родительница рассказывала так ярко, так захватывающе, словно это была волшебная сказка. Так что вместо того, чтобы, как прочие девочки, мечтать стать, когда вырастет, Золушкой или изнеженной принцессой в воздушном розовом платье, Рита мечтала стать теннисисткой.

Они даже придумали с мамой игру под кодовым названием «Известная теннисистка Маргарита Назарова собирается на Олимпиаду». Отец в их игры не вмешивался, бабушка – его мама, в доме которой они все жили, – тоже. И когда Ритина мама повела свою девятилетнюю дочь записываться в единственную в их городе недавно открывшуюся теннисную секцию, никто не сказал ни слова против.

А сама Рита была в предвкушении. Ее жизнь менялась на глазах. Словно бабочка из куколки, она из обычной, ничем не примечательной девочки превращалась в волшебную Теннисистку, звезду, будущую покорительницу мировых кортов. И, конечно, тогда она еще ни малейшего понятия не имела о том, каким долгим, трудным, порой даже мучительным и нестерпимо болезненным будет этот путь.

В детско-юношеской секции большого тенниса ей все понравилось. И ребята – в основном, конечно, мальчишки, и тренер – симпатичная улыбчивая девушка Татьяна – бывшая, по слухам, подававшая большие надежды спортсменка. Рита ходила сюда дважды в неделю на полтора-два часа. Иногда с мамой, чаще – одна, и задерживалась каждый раз допоздна – то поболтать с ребятами – после их занятий зал был свободен, то обсудить с Татьяной недавно увиденный по телику матч.

Непосредственно играть в теннис – не просто стучать в стенку мячом, а по всем правилам – в паре, через сетку – они начали только через полгода занятий. К тому времени в секции осталось всего десять ребят, самых упорных и целеустремленных. Остальные отсеялись.

Татьяна разбивала их на пары, каждая пара играла по пятнадцать минут, те, кто не играл, – наблюдали, а после еще по пять минут все вместе разбирали допущенные ошибки.

Рите не нравился разбор ошибок, и на тренировки она ходила исключительно ради тех пятнадцати минут, что она стояла по одну из сторон сетки с ракеткой в руках. Только тогда девочка чувствовала себя живой, настоящей.

Чуть позже – спустя еще полгода – Татьяна стала устраивать для них небольшие теннисные турниры, на которые в качестве зрителей приглашала родителей и знакомых ребят.

Иногда эти мини-соревнования проводились прямо в их спортивном зале, иногда – в сухой сезон – на расположенном неподалеку большом футбольном поле.

Играть на поле было неудобно – грунт давно не разравнивали, да и специального покрытия, как на настоящих теннисных кортах, не имелось, вместо него была трава, когда коротко подстриженная, а когда и не очень. Ноги в ней путались, ребята то и дело оступались.

В те дни Рита мечтала о том, как однажды будет играть в нормальных условиях, на специально предназначенной для этого площадке. Ей казалось, что только тогда сами собой исчезнут все ошибки, которые она допускает и которые так не любит разбирать.

Впрочем, Татьяна на этих ее ошибках не заикливалась, хвалила Риту больше других, подчеркивала, что главное – это желание побеждать, энергия, которой в ней море.

Но самым главным для Риты были не эти похвалы тренера, а восторг в маминых глазах, то, что она гордилась своей дочерью и верила в нее неизменно, даже несмотря на то, что Рита побеждала далеко не всегда.

Стоя на пороге своей квартиры, Марго невидящим взглядом смотрела в пространство перед собой. Она не знала, сколько времени прошло с того момента, как она открыла дверь. Знала одно – оставаться здесь она не может, не хочет, да у нее просто нет сил здесь оставаться! Столько лет коту под хвост! Целая жизнь! И все из-за какой-то глупой, случившейся так не вовремя травмы.

Снова наворачивались на глаза слезы. Девушка то и дело шмыгала носом. Она даже не заметила, что не закрыла входную дверь в квартиру. Осознала это, только когда на лестничной площадке зашумел поднимающий кого-то лифт.

Марго ногой захлопнула дверь, замок щелкнул как-то жалобно и одновременно издевательски, словно укорял ее за грубость и ерничал по поводу того, что она осталась без дела всей жизни, пусть и временно. Хотя кто знает, как там повернется...

Во всяком случае, сейчас Марго хотелось все бросить. Вообще уйти из спорта. Насовсем. Слово ее в этом спорте никогда и не было. Ведь несправедливо же! Несправедливо! Разве она не работала на износ? Разве не посвящала все свое время исключительно тренировкам? Разве не клала на этот алтарь всю свою жизнь с избытком: отказалась от поступления в институт, от выходных и каникул, не общалась с друзьями и знакомыми – в итоге всех их растеряла, не ходила в клубы, кино и просто погулять. Вместо этого она буквально прописалась во Дворце спорта, только знай себе перебежала от корта в тренажерный зал да перекусывала в промежутках в местном кафе.

И ведь никому даже не пожалуешься, как ей надоела кафешная кормежка! Она и в детстве-то никогда не была упитанной, а за последние пару лет и вовсе превратилась в худышку. Никакой приятной девичьей округлости, одни кости и мышцы, тянущиеся под кожей, словно канаты. Хочешь не хочешь, а вспоминаются мамины рассказы про деда с его мнением по поводу мужеподобных фигур теннисисток.

Ей давно перестало нравиться смотреть на себя в зеркало, хотя в подростковом возрасте, в отличие от других девчонок, она была довольна своей внешностью. Красавицей Марго, конечно, никогда не была, но симпатичной – совершенно точно. Вообще она пошла в маму. Фигура однозначно ее – статная, гармоничная, с длинными ногами и узкой талией. Да и черты лица явно мамины – аккуратный нос, полные розовые губы, высокие скулы и широко распахнутые миру глаза. Хотя цвет их достался от папы – и у отца, и у Марго радужка болотно-зеленая, оливковая, в отличие от маминой – серой. Зато волосы точно мамины – густые, шелковистые, с легкой волной. Светлые, почти пепельные, с золотистым отливом, проявляющимся на солнце. И не сосчитать, сколько раз Марго слышала вопрос о том, какой краской она пользуется. И ведь ни один из собеседников не поверил ее совершенно правдивому ответу: никакой!

В какой-то момент ей настолько надоело, что ее все поголовно считают врунишкой, что она подстриглась коротко, под мальчика. Вроде сделала это назло общественности, но сама осталась довольна. Стрижка ей очень шла. Лицо с ней стало таким изысканным, утонченным, даже аристократичным. И озорным одновременно. К тому же волосы перестали лезть в глаза во время тренировок. Раньше постоянно мучилась, то и дело приходилось перетягивать хвост, теперь же было достаточно провести по шевелюре растопыренной пятерней.

Так вот с некоторых пор Марго стала выглядеть плоховато. Сама сперва не замечала, но на это указывали и тренер, и коллеги по спорту, и даже работающая в кафе официанткой девушка Марина, с которой Марго периодически перекидывалась парой фраз ни о чем. В общем, по многочисленным указкам окружающих Марго увидела, что у нее и правда под глазами появились густые тени, лицо осунулось, а кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок.

Размышляя о том, откуда такие перемены, девушка пришла к выводу, что всему виной нервы. Из-за них она даже стала временами страдать бессонницей. А повод понервничать всегда имелся – то впереди важные соревнования, то не слишком удачно прошла тренировка, то Федор Николаевич накричал.

А кричал он, надо сказать, часто. Быстро выходил из себя, размахивал руками, бывало, даже в сердцах обзывал ее неповоротливой коровой – это когда она по-глупому пропускала мячи...

– Еще никогда за всю мою практику я не видел такой криворукой теннисистки! И кто только тобой вообще до меня занимался?! Ты даже ракетку правильно держать не умеешь!

Он широкими шагами подходил к ней, хватал за плечи, встряхивал, а затем принимался гнуть и выкручивать ее руку и пальцы, чтобы добиться того самого «правильного» положения ракетки в руке. Напоследок стискивал ее кисть в своем огромном кулаке – до хруста суставов, до алой пелены перед глазами, и втолковывал в самое ухо:

– Вот так надо держать! Вот так! И никак иначе! Запомни, бестолочь!

Как же первый год ей было тяжело с ним работать! Почти ежедневно домой Марго возвращалась в слезах – пока шла до метро, хлюпала носом, в подземке прятала распухшее лицо в шарф или высокие воротники свитеров.

Но вот что странно: многие пассажиры видели, что она плачет, но за все время подошли к ней спросить, что случилось, только два раза. Первый раз ей посочувствовала пожилая женщина, второй – молодой парень – лет двадцати, наверно, – осведомился, кто ее обидел и может ли он чем-то ей помочь.

Было и приятно и жутко неудобно одновременно. Оба раза Марго отговорила тем, что все в порядке, и быстренько сбежала.

Но вообще, за прожитые в столице годы она твердо уяснила: в Москве люди другие – жестче, равнодушной, суетливой. Жизнь здесь быстрая – перемены происходят с космической скоростью, а нужно все успеть, никуда не опоздать, состояться. Где уж тут найти время на чужие несчастья. Каждый сам за себя.

Это понимание приходило к Марго постепенно – именно в тот первый год здесь. Сперва думалось: обустроится, найдет подруг-приятельниц, будет с кем поболтать вечерами, по магазинам пройтись. Но подруг не случилось, как и свободных вечеров, впрочем.

Общалась немного с официанткой Мариной, перебрасывалась иногда парой слов с девчонками в тренажерке – да и то все в основном по делу. В общем, жизнь в столице оказалась вовсе не такой, какой представлялась вначале.

И Марго часто плакала – не только по вине тренера, но и сама по себе. Из-за того, что осталась совершенно одна в чужом городе, из-за мамы, конечно, из-за того, что никак не может себя поставить так, чтобы Федор Николаевич прекратил на нее срываться.

Он потом извинялся, просил не обижаться, объяснял, что характер у него такой – взрывной, ничего тут не поделаешь.

Но Марго знала: ситуацию изменить можно, но только одним способом – отказаться от сотрудничества с ним. Но уход от него означал лишь одно – конец ее спортивной карьеры. Никто не взял бы ее – начинающую спортсменку, без каких-либо достижений и побед, под свое крыло. Это с Федором повезло – он заметил ее на одном из региональных турниров и пригласил в Москву, пообещав, что сделает из нее вторую Штеффи Граф, если, конечно, она сама будет стараться.

И Марго старалась. Наверно, никто так не старался за всю историю тенниса. Она буквально жила во Дворце спорта, где проходили тренировки. Записалась здесь же в тренажерку, в бассейн, часами самостоятельно отрабатывала удары, а дома за легким ужином просматривала записи игр известных теннисистов и делала себе пометки в блокнот. Разбирала ошибки, как учила Татьяна.

В ее жизни не осталось ничего, кроме тенниса. Марго редко звонила бабушке и отцу и еще реже выбиралась в родной город. За первый год ей удалось приехать только один раз – на новогодние праздники. Но этот Новый год стал самым грустным из всех, что она помнила.

Отец тогда тоже приехал, хотя по всему было видно, как тяжело ему находиться дома, в комнатах, в которых, кажется, еще звучит смех его жены. Одному. Без нее.

Наверно, ему большого труда стоило в те дни поддерживать унылые беседы с дочерью и своей матерью, не подавать виду, как ему невыносимо видеть эти стены, улыбаться, когда хочется плакать.

Наверно, поэтому он выдержал дома всего три дня и второго января уехал.

А в новогоднюю ночь они втроем сидели перед телевизором, на экране которого шел праздничный концерт, и радостные люди поздравляли друг друга и желали счастья и любви. Ели вечный оливье и запеченного с яблоками гуся – бабушкино коронное блюдо, – в ту ночь показавшегося совсем невкусным. И каждый – в этом Марго была уверена – вспоминал прежние праздники. Как лепили во дворе снеговиков и играли в снежки, как запускали фейерверки, ходили гулять в центр, пели песни под папину гитару и рассказывали веселые истории.

Им было всегда хорошо всем вместе. Сколько Марго себя помнила, родители ни разу не то чтобы не поругались, но и не поспорили. У них всегда было обо всем одинаковое мнение, словно они и правда были единым целым.

Да и вопреки расхожим байкам о вражде свекрови и невестки, бабушка Марго очень любила ее маму, считала ее своей дочерью и заботилась о ней едва ли не больше, чем о сыне и внучке.

Так что тот новогодний визит домой не стал для Марго отдыхом, не подарил теплых воспоминаний. Напротив, в Москву она вернулась еще более уставшей и измотанной, чем уезжала. И ощущение вселенского одиночества разрослось в ней до невероятных размеров.

Она вернулась в пустую квартиру, к ежедневным тренировкам, к срывающемуся на нее Федору Николаевичу и не сдалась лишь благодаря врожденному упрямству, а вовсе не вере в себя, о которой столько говорила тренер Татьяна.

Если бы в то время кто-то спросил Марго, довольна ли она собой, девушка бы лишь скептически усмехнулась. Как, мол, можно быть довольной человеком, у которого ничего не получается, который никому не нужен и ни на что по-настоящему большое, серьезное не способен? Никак!

И она заставляла себя становиться лучше – день за днем. Шла к цели – идеалу, который себе нарисовала, и не отступала ни на шаг, ни на миллиметр. Хотя теперь, спустя несколько лет, понимала, что это был тогда для нее единственный способ выжить, остаться на плаву, не потеряться в водовороте бед и неудач.

– Ты слишком критично к себе относишься, – говорил отец во время редких их свиданий. – Так нельзя. Себе надо прощать огрехи, позволять слабости, в общем, любить себя. До разумного предела, конечно.

– А где он, разумный предел? – невесело усмехалась Марго. – Да и потом, если, как ты считаешь, прощать себе ошибки, никакого развития не будет.

– Это что еще за глупость? – удивлялся отец. – Прощать – не значит оставлять все как есть. Прощать – это всего лишь не бить себя за малейшую промашку смертным боем, как это делаешь ты.

Девушка лишь рукой махала в ответ:

– Я привыкла так.

Конечно, в глубине души она понимала, что родитель прав, вот только смириться с его правотой не хотелось. Возможно, потому что в той же глубине души Марго сильно на него обижалась – за то, что он так редко бывает рядом и, кажется, совсем забыл, что она хоть и взрослый, но все-таки ребенок. Его ребенок.

Вот и сейчас, когда его дочь так сильно в нем нуждалась, он был на очередных гастролях. Даже о том, что она руку сломала, отец узнал только через двое суток, когда ей уже сделали операцию. До этого момента Марго попросту не могла до него дозвониться. То телефон абонента был выключен или находился вне зоны действия сети, то она лежала на операционном столе, то отходила от наркоза.

Было так неуютно и страшно готовиться к операции одной, без поддержки родных и друзей, а затем приходиться в себя снова в совсем не гордом, но уже таком привычном одиночестве! И пусть больница, в которую Марго определили, была самой что ни на есть хорошей, и в палату ее поместили одноместную, и с медсестрой она могла связаться в любую минуту. Все равно. Никто к ней, кроме медперсонала и тренера, не приходил. Да и тренер навестил лишь перед выпиской и, как подозревала Марго, лишь затем, чтобы сообщить ей новость о том, что ни о каких соревнованиях, а значит, и об Олимпиаде не может быть и речи.

Конечно, она не стала демонстрировать своих истинных чувств. Сказала, что все понимает. Но внутри бушевал ураган, сметающий все на своем пути. Она проиграла. Это очевидный факт. Даже не начав игры, не вступив в борьбу. Теперь она останется за кадром – будет сидеть перед экраном телевизора и смотреть, как ее коллеги-соперницы ведут свои турниры. Наверно, она будет болеть за них... Болеть – от слова «больно», – и в ее случае это вовсе не идиома, а самая что ни на есть прямая, осмысленная, реальная реальность.

Китайская пытка – знать, что ты могла быть там, должна была быть там – в этом городе, на этом корте, под прицелами этих видеокамер, – и ничего не мочь изменить. Каждым нервом, каждой мышцей чувствовать движение, следить за мячом, ощущать привычную, родную тяжесть ракетки в руке – и не быть... Легче вообще умереть!

Марго позволила ремню спортивной сумки соскользнуть с ее плеча. Сумка тяжело бухнулась ей под ноги, раскрывшись в полете, бесстыдно обнажив свое содержимое: спортивный костюм – в нем Марго ходила в тренажерку, его же взяла с собой и в больницу, большую косметичку – внутри расческа, зубная щетка и паста, с незапамятных времен завалявшийся блеск для губ, коробочка пудры, тушь для ресниц, которой последний раз она пользовалась примерно полгода назад, дезодорант и флакончик любимых духов – таким же ароматом душилась мама. В целлофановом пакете две смены белья и полотенце. В другом – шлепанцы. Вот и весь багаж. Ах да, еще старенький мобильник – сколько над ней ни смеялись, она никак не соглашалась купить себе современную модель. Телефон нужен для чего? – Правильно, чтобы звонить. Ну, еще сообщения посылать. А все остальные бонусы, по мнению Марго, – нужны, только чтобы выпендриваться. Дай волю разработчикам новых моделей, они такими темпами скоро холодильные камеры в мобильники встраивать начнут или микроволновки.

А что, удобно! Направил аппарат на тарелку холодной бурды, и уже через пару минут перед тобой ароматное дымящееся кушанье.

Девушка прошла на кухню, машинально проверила, есть ли вода в чайнике, нажала кнопку. Чайник у них с отцом – вернее, уже можно сказать, у Марго – электрический, вскипающий быстро, всего за минуту. Даже заварку не успеешь в заварник бросить, а кипяток уже готов.

Сейчас Марго решила не возиться с коробочкой чая – открывать и закрывать ее одной рукой было тяжело, к тому же коробочка была новой, внутри ее полагался еще плотно запаянный пакетик из похожего на фольгу материала, который надлежало разрезать или раскрыть, растянув в стороны – задача в нынешнем состоянии Марго трудновыполнимая. Поэтому она бросила в кружку бумажный пакетик с мятой и залила его кипятком из чайника. По кухне тут же поплыл знакомый всем с детства аромат мятного листа.

Марго уселась на кухонный диванчик, подогнув под себя правую ногу, и задумчиво уставилась в чашку – на поднимающиеся от воды струйки пара.

«Словно туман», – подумала девушка. И сразу же вспомнилась картинка из детства – вечер на реке Каменке: наползающая на берега белая, словно парное молоко, дымка, старая плакучая ива, купающая в воде свои длинные ветви, чуть виднеющаяся из-за облаков бледная луна, плывущий над рекой аромат полевых трав, плеск рыбы в глубоких омутах. И надо всем этим какая-то нереальная тишина. Такая, какая бывает только далеко от больших городов. Вроде и звуки есть – тот же плеск, или лай собаки вдалеке, или крик птицы в подернутой облаками темно-голубой вышине закатного неба, а все равно тихо.

В такие вечера Марго – тогда еще Рита – любила подолгу сидеть на мостке, опустив босые ноги в реку, и смотреть на мир. В такие вечера мир словно сам втекал в ее глаза. Вливался в них приглушенными, мягкими красками – прощальными розовыми солнечными разводами на западе, темнеющей с каждой минутой быстрой водой, то и дело проносящей мимо серебристые ивовые листочки. И Рите казалось, будто она сама становится целым миром, вбирает его в себя, присваивает.

А когда землю окутывала тьма, девочка нехотя вытягивала ноги из реки, стряхивала с босых ступней капли, со вздохом поднималась с мостка и шла домой – к ждущим ее бабушке и маме.

Боже, какой же правильной, какой гармоничной была та жизнь! Другая жизнь. Проплая... Как же здорово было подходить к дому и уже издалека видеть теплый мягкий свет от кованого фонаря над воротами! Как восхитительно было вдыхать аромат цветущей липы, погружать пальцы в серую шерсть добрейшего цепного Полкана, пить горячее молоко с земляничным вареньем на кухне и засыпать под убаюкивающее мурчание свернувшегося тяжелым клубком в ногах рыжего Мурзика.

Марго так сильно захотелось прямо сейчас оказаться дома, что даже слезы на глаза навернулись. И правда, когда она последний раз навещала бабушку? Полгода назад? Вроде была поздняя осень, а сейчас за окном май... На отца обижаются, а сама хороша!

«Как так вышло, что мы разлетелись в разные стороны? – думала девушка, прихлебывая мятный чай из кружки. – Ведь была же семья – счастливая, любящая. А теперь каждый сам по себе – по горло в своих делах и заботах».

По всему вышло, что сплывала их мама. Она была их центром, светом, к которому они стремились, словно мотыльки на огонь. После нее все пошло наперекосяк.

Размышлять об этом было больно. Привычно больно. Ведь на самом деле это ложь, что время лечит. Стирает, сглаживает – это да, смиряет тебя с фактом утраты, но чтобы исцелить совсем...

Да и не хотела Марго вылечиваться, забывать, оставлять в прошлом. И кто бы вообще на ее месте согласился по собственной воле забыть о самом счастливом периоде своей жизни?

«А может, отправиться домой? – пришла в ее голову мысль. – Прямо сейчас заказать по Сети билеты на утро, собрать чемодан, сесть в поезд и уехать».

Идея была столь заманчивой, что Марго немедленно бросилась к компьютеру. Ей казалось, что система загружается слишком долго, что Интернет сегодня тормозит, что вот сейчас вступит в силу закон подлости, и билетов на утро и вообще на завтра не окажется, и придется брать на послезавтра, а это будет уже совсем другая история.

Но опасалась она зря. Билеты имелись. На самый ранний утренний «Сапсан». На вокзале нужно было оказаться за час до отправления, чтобы выкупить бронь.

Собрать чемодан не составило особого труда. Сейчас Марго делала все на подъеме, в едином порыве – так случалось с ней всегда, когда она четко видела перед собой цель. Покидала, не складывая, в разверстое нутро кое-какую одежду и предметы личной гигиены, косметику, семейную фотографию, запихнула в сумку ноут и в последнюю очередь потянулась к чехлу с ракетками.

Рука замерла на полпути.

«Зачем брать то, что мне не понадобится?» – спросила себя Марго. Но представить себя после стольких лет без ракетки оказалось совершенно невозможно, как она ни старалась. Поэтому девушка, в качестве талисмана, оставила в чехле свою любимую, а остальные выложила и закрыла молнию. Бросила чехол поверх одежды в чемодан и захлопнула крышку.

Выспаться, конечно, не удалось. После сборов Марго долго размораживала холодильник – не оставишь же его включенным на длительный срок, хорошо хоть, что продуктов в нем практически не было: всего пара йогуртов, немного сыра, помидор и остатки молока в пластиковой бутылке. Затем полчаса стояла под горячим душем, надеясь с его помощью расслабиться и заснуть побыстрее.

Но душ не помог. Едва голова девушки коснулась подушки, сонливость как рукой сняло.

Она лежала на спине, укрывшись до подбородка легким пуховым одеялом, и смотрела в потолок, где плыли тени и блики от фар проезжающих по переулку машин, и в который уже раз прокручивала в голове последние дни, начиная с момента травмы.

Удивлялась и ужасалась тому, насколько же быстро, практически одномоментно может кардинально измениться человеческая жизнь, злилась на себя – ведь кого ей еще винить в произошедшем, если не собственную персону?

Когда-то давно бабушка внушала ей, что что бы ни случилось, нельзя сетовать на судьбу и цепляться за прошлое, мечтать вернуться и все исправить. Мол, все происходит так, как происходит – зачем-то, с какой-то одному Богу ведомой целью. Человеку остается лишь принимать и благодарить, потому что в любом событии всегда присутствуют две стороны: плюс и минус.

Тогда Марго возмущалась такой позицией, доказывала, что цели у Господа Бога порой какие-то уж очень сомнительные, взять, к примеру, хотя бы уход мамы. Для чего это было нужно? Какая радость может быть в таком огромном горе? И как с этим можно смириться и принять?

Собственно, после мамы этот их с бабушкой диалог и происходил. Они в то время часто возвращались к этой теме, никак она их не отпускала.

Хотя в принципе говорили они в те дни мало. В смысле, не как раньше – когда Рита подробно рассказывала бабушке и маме о каждом дне в школе, о тренировках и даже о собственных снах. Тогда между ними троими секретов не было.

С отцом дистанция все-таки ощущалась. Может, виной тому было то, что он в основном отсутствовал, ездил на гастроли, зарабатывал деньги для семьи и возвращался в родной город лишь ненадолго.

Сколько планов они тогда строили – как заживут, когда группа отца хорошо раскрутится и ему можно будет работать уже не на износ, а в свое удовольствие, в какие страны поедут, что купят, как отремонтируют дом!

Марго тоже активно участвовала в этом их планировании. Вносила идеи, мечтала на пару с мамой. Строила воздушные замки.

Только бабушка все повторяла свое любимое: «Загад не бывает богат». Мол, не стройте планы, будет неприятно, если они в итоге обернутся лишь иллюзиями. Группа отца может распаться – и не важно, что музыканты вместе уже больше десяти лет, – их музыка устареет, композиции – выйдут из чартов. И, в общем, оказалась права. Правда, вышло все гораздо хуже.

Группа не просто не распалась, но прочно заняла в западных хит-парадах самые высокие строчки. Теперь отец Марго вполне мог обеспечить своей семье и поездки – любые, даже самые экзотические, и самые эксклюзивные дизайнерские наряды, и самые лучшие деликатесы, вот только все это было уже никому не надо. Потому что без мамы все вышеперечисленное теряло смысл.

Отец лишь с небольшим ремонтом бабушке помог. От глобальных перемен в собственном доме она наотрез отказалась, решила оставить все как есть. А так – бытовую технику обновили, крышу перекрыли, покосившийся сарай перестроили, дом покрасили и выложили дорожку, ведущую от ворот к крыльцу, декоративными камнями.

И Марго была рада, что в доме ничего не изменилось. Потому что в нем у нее возникало ощущение, что мама рядом – стоило только взойти на крыльцо. Теперь даже казалось странным, что в тот, их первый без нее Новый год они все чувствовали себя в этих стенах одинокими, осиротевшими навсегда.

В последующие приезды – все такие же редкие – все было совсем иначе. Мама вдруг оказывалась рядом, Марго даже была готова поклясться, что иногда чувствует прикосновения ее рук – как она легким ласковым движением лохматит пушистую дочкину челку. Слышит отголоски ее звонкого, девчоночьего смеха.

А бабушка твердила: смирись с утратой, отпусти, ищи во всем хорошее, даже в самом плохом и страшном.

Тогда у Марго никак не получалось...

Но за прошедшие годы девушке порой начинало казаться, что в чем-то бабушка все же была права, хотя лишь частично. Потому что если со всем смиряться, то так и вовсе руки опустить недолго, а этого она делать ни в коем случае не собиралась, не в ее это характере. Ведь справилась же тогда...

– Тогда, но не теперь, – сказала Марго вслух. – Теперь точно конец. – Она вслушивалась в звучание собственных слов, старалась привыкнуть к ним, впустить этот непреложный факт внутрь. – Уходить нужно вовремя.

Звучит весомо, но разве сможет она с этим когда-нибудь смириться?

Она промаялась без сна несколько часов, а под конец все-таки задремала.

И в своем обрывочном, ломаном сне она видела гостиничный номер, в котором жила во время первых своих серьезных соревнований – не региональных и даже не общероссийских, а международных.

Соревнования проходили в Праге, и это был первый выезд Марго за границу.

Она очень переживала перед поездкой, все боялась, что что-то пойдет не так, что она обязательно забудет дома что-нибудь важное. Поэтому перетряхивала сумку раз пятнадцать и раз десять уже с порога вернулась проверить, все ли выключила в квартире.

Потом она прочитала в каком-то журнале по психологии, случайно попавшемся ей в руки, что такое поведение – следствие повышенной тревожности и повышенного чувства ответственности. Но тогда она вроде и знала, что все вещи на месте, все, что надо, выключено и закрыто, а все равно перетряхивала и возвращалась – страх был гораздо сильнее здравого смысла.

А в итоге чуть не опоздала в аэропорт. Успела в самые последние минуты перед окончанием регистрации на свой рейс. От Федора тогда попало по полной программе – оказывается, он ждал ее в аэропорту сорок минут.

Лететь на самолете первый раз Марго тоже боялась. Особенно страшно было, когда самолет только разогнался по взлетной полосе и отрывался от земли. И пока они находились в воздухе, девушка пыталась представить себе, каково это – падать с такой огромной высоты.

Но дальше – уже в Чехии – все пошло отлично. Гостиница оказалась совсем небольшой и очень уютной, кормили вкусно, номер выходил окнами на узкую старинную улочку, по обеим сторонам которой росли большие клены – сейчас, в октябре, абсолютно оранжевые. Марго тогда любовалась на них и думала, что российские осенние деревья крайне редко бывают такими безупречно однотонными, словно волшебными, и глубоко в душе понимала отца, променявшего родную страну на весь мир, и Европу в частности.

В этой стране все ей было в новинку. Даже организация турнира отличалась от российской. Никаких накладок – все четко, выверенно, без каких-либо сюрпризов.

Марго даже казалось, будто все это происходит не с ней. Не она выходит на корт, не ее имя объявляют на весь стадион на двух языках – чешском и английском, не она выигрывает первый матч со счетом 5:3 и не она проигрывает следующий.

Станным тогда – после того второго проигрыша – было то, что тренер не ругался. Она ожидала, что он будет в ярости, но Федор Николаевич отнесся к произошедшему философски.

– Бывает, – сказал он. – Проигрывать тоже надо уметь. Сильно не переживай. Главное – что ты уже вышла на мировой уровень.

Уезжать из Чехии было тяжело. Не хотелось покидать этот гостеприимный город, эту уютную гостиницу, расставаться с оранжевыми кленами за окном, но она знала: так надо. Ее дом – не здесь. Ее дом – там, где живет ее бабушка, где жила мама и она сама до того момента, как отправилась покорять российские теннисные корты.

Во сне Марго помнила то ощущение, понимание, с которым летела назад, в Москву. Наверно, так чувствуют себя птицы, возвращающиеся домой из жарких стран: да, там, где она была, интересно, ярко, и климат лучше. Но здесь – дом, ее место.

Уже совсем скоро над ее ухом зазвонил будильник, возвещающий о том, что пора вставать.

Еще в полусне Марго, как делала обычно, нарисовала себе картинку предстоящего дня: подъем, контрастный душ, легкий завтрак, а затем бегом во Дворец спорта. Но открыв глаза, вспомнила о произошедших в ее жизни переменах и сперва испытала ужас – от ощущения беспомощности и невозможности представить, что с ней будет дальше. Затем в голове немного прояснилось, взгляд наткнулся на собранный чемодан, и девушка испытала облегчение: сегодня у нее есть цель – она поедет домой. Поедет, чтобы остаться там навсегда. Или, во всяком случае, очень надолго.

Стараясь не шевелить больной рукой, Марго вылезла из постели и первым делом набрала номер такси. Машину обещали подать к подъезду через час. И этого часа ей должно было с лихвой хватить на то, чтобы умыться, одеться, съесть йогурты и последний раз пробежаться по квартире, проверяя, не забыла ли она что важное.

«Сапсан» набирал скорость. Марго сидела у окна, за которым мелькали автомобили, дома, спешащие по своим делам прохожие. Периодически она переводила взгляд на висящее под потолком электронное табло, на котором высвечивалось время, скорость поезда, температура за бортом и прочая нужная информация.

Вагон был практически пустой. Кроме нее, в другом его конце ехала компания из четырех молодых людей и пожилая супружеская пара – явные иностранцы. Немцы, как поняла девушка, когда проходила мимо них на свое место. В середине вагона расположился бизнесмен с ноутбуком.

Этот поезд Марго нравился. Путешествовать на нем было вполне комфортно, а главное – быстро. Полгода назад, например, когда ездила на соревнования в Питер, на дорогу ушло всего три часа против обычных восьми. Но сейчас «Сапсан» вез ее не к Северной столице, а к Нижнему Новгороду. Впрочем, ей предстояло выйти посередине – во Владимире. А дальше автовокзал и автобус до Суздаля.

Хотелось расслабиться, освободить мозги от всяких посторонних мыслей, но никак не получалось. Вместо этого в голову лезли всевозможные воспоминания – слова тренера, планы, надежды... Совершенно некстати перед мысленным взором всплыла картинка ее триумфа – победы в международном турнире прошлой зимой в Австрии.

– Не вздумай расслабляться, – сказал тогда Федор Николаевич. – Теперь будем готовиться к Олимпиаде.

А Марго и не думала – напротив, она всем существом стремилась к этой цели. Много лет. Все годы после мамы. И почти дошла до нее...

– Главное – четко знать, чего ты хочешь, – заявила она в интервью одному из спортивных изданий. – И никогда не сворачивать с выбранного пути, как бы трудно ни было.

Получается, соврала. Самой себе в первую очередь. Соврала, потому что свернула. Вернее, ее свернули, но суть-то от этого не меняется. Наверно, если бы по-настоящему сильно хотела победить, ничего бы с ней не случилось, никакого перелома. А тут предательское тело ее подвело – и вот она больше ничего не хочет. Потому что знает, что теперь, как бы ни старалась, как бы остро ни желала, ничего не выйдет, время к тому моменту, когда она полностью восстановится, будет безвозвратно упущено.

В принципе, не она первая, не она последняя. Сколько таких случаев среди спортсменов – обидных до слез, – когда человек, уже выйдя на финишную прямую, вдруг получает травму и сходит с дистанции. Подобное случается в любом спорте, и никто от этого не застрахован.

– Чай, кофе, минералка, – отвлек Марго от ее грустных размышлений голос стюарда, везущего по проходу тележку на колесиках, на которой в аккуратных коробочках лежали пакетики с чаем и кофе, сливки в маленьких контейнерах, стояли два больших термоса с кипятком, пластиковые чашки и стаканчики, приятно пахли на тарелочке ломтики лимона.

– Можно мне зеленого чая? – попросила девушка.

Услужливый молодой человек сноровисто налил в чашку кипятком, предварительно осведомившись, нужен ли ей лимон, положил его на тарелочку, кинул туда же две упаковки сахара, чайный пакетик, поставил все это на откидной столик перед Марго и пожелал приятного чаепития. Все манипуляции длились не дольше минуты.

Девушка поблагодарила его улыбкой, а про себя подумала:

«Вот уйду из спорта, и придется тоже работать официанткой».

Бабушка – баба Нюра – в свое время сильно переживала, что внучка не стала подавать документы в институт. А сама Марго тогда загадала: вот съездит на Олимпиаду и поступит куда-нибудь на заочный. А до этого будет упорно тренироваться, ни на что постороннее не отвлекаясь.

В кармане брюк завибрировал мобильник, извещая о пришедшей эсмэске. Девушка вытянула его на свет, нажала на «Прочитать».

«Мы вчера выиграли у шведов! – гласило сообщение. – Сегодня выходной. Брожу по городу и думаю о тебе».

«Сашка, как всегда, донельзя лаконичен и невнимателен, – усмехнулась про себя Марго. – Ни тебе вопросов «как дела?» и «все ли у тебя в порядке?», ни пожеланий удачи».

А ведь на днях будет год, как они вместе. Вспомнит ли об этой дате? Вряд ли. Ему не до подобных сантиментов. Главное в его жизни – спорт, все остальное – даже не второстепенно, а вообще где-то на задворках. Еще совсем недавно Марго такое положение вещей вполне устраивало. И поначалу, когда они только встретились, ей казалось, будто они похожи.

С Александром Новосельцевым – восходящей звездой футбола – Марго познакомилась чуть больше года назад в родном Дворце спорта. Саша тогда был на гребне перемен: подписал контракт с новой командой и, как следствие, сменил место тренировок.

Прежде Марго редко обращала внимание на других спортсменов в тренажерном зале – вообще по сторонам старалась не глядеть, делала свой тщательно выверенный комплекс упражнений, не прерываясь на болтовню. Но этого красавчика заметила сразу. Да и сложно его было не заметить – слишком яркий. Позже, уже когда они начали встречаться, девушку стало частенько раздражать повышенное внимание к ее парню представительниц противоположного пола. Нет, она не ревновала. Просто бесило. Равно как и то, что Саша подобный девичий интерес явно считал вещь само собой разумеющейся.

А в тот день он вошел в тренажерку, и взгляды всех местных дам тут же приклеились к нему. Казалось, парню это льстит, во всяком случае, на его губах сияла широченная голливудская улыбка. Он шел по проходу между тренажерами и одаривал ею всех присутствующих. Именно благодаря этой улыбке Марго сразу же записала его в воображалы и зазнайки.

Честно говоря, несмотря на броскую внешность: коротко стриженные золотисто-пшеничные волосы, идеально правильные черты лица и яркие голубые глаза, парень ей не понравился. Она никогда не любила таких глянцевого мальчишек, считала, что в настоящем мужчине должно быть что-то от дикого зверя – пугающее и притягивающее одновременно. В этом же парне ничего такого не наблюдалось.

«Наверно, какой-нибудь манекенщик», – решила Марго и перевела взгляд на сплошь состоящую из зеркал противоположную стену – периодически девушка проверяла, правильно ли она выполняет то или иное упражнение, работают ли нужные мышцы.

Марго сперва не удивилась, когда парень, едва размявшись, занял соседний с ней тренажер. Она не собиралась обращать на него внимание, но невольно заметила, что все два часа, что она провела в тренажерке, он отирался рядом с ней.

А когда Марго приняла душ и села за любимым столиком в кафе, чтобы выпить стакан морковного сока, парень снова оказался по соседству. И на этот раз он не стал наблюдать за ней со стороны – подошел и осведомился:

– У тебя не занято?

– Как видите, – подчеркнула «вы» Марго.

Но незнакомец не стусевался.

– Можно я присоединюсь? – спросил он.

Девушка в ответ лишь кивнула. Сама не знала, что заставило ее поступить так, ведь парень по-прежнему не вызывал в ней симпатии.

А вот Марго Александру сразу понравилась, о чем он тут же ей и сообщил. Прямо, легко, словно так и надо. И смотрел на нее так уверенно, будто никогда прежде не получал ни в чем отказа. Ей даже сделалось смешно.

«Очередной самоуверенный кретин», – подумала Марго и как-то сразу расслабилась.

Она не преследовала цели произвести на него впечатление, поэтому вела себя естественно. Парень ее почти не напрягал. Он оказался, в общем-то, неплохим собеседником, с чувством юмора и морем обаяния, которое, впрочем, на девушку не действовало.

Рассказал ей кучу всего о футболе, которым не просто занимался, а буквально болел, пригласил на ближайшую игру. Уже прощаясь – Марго пора было бежать на тренировку, – всучил ей свой номер телефона. Девушка взяла, твердо зная, что никогда им не воспользуется.

А на следующий день снова увидела Сашу в тренажерке, и на следующий за ним, и еще через один. Так и пошло. Они встречались в зале, затем парень присоединялся к Марго во время перекуса, а позже – уже вечером – ждал ее в вестибюле Дворца и провожал до дома, каждый раз сетуя на то, что у него пока, увы, нет собственной машины, на которой он мог бы довозить прекрасную даму, но как только ему исполнится восемнадцать – а этот день уже не за горами, – он тут же автомобиль купит.

Марго общалась с ним легко, по-дружески, не задаваясь вопросом, нравится ли он ей, хочет ли она развития отношений. Все между ними происходило как само собой разумеющееся – без душевного трепета с ее стороны, без бабочек влюбленности в животе. Однажды, прощаясь, Саша просто взял ее за руку и поцеловал в губы, а затем сказал, что она ему очень нравится и он хотел бы быть с ней.

В общем, Марго сама не заметила, как втянулась в эти отношения. Через какое-то время удивилась тому, что ей стало не хватать Саши в дни, когда он, например, уезжал на матчи в другие города, стала ловить себя на желании поговорить с ним, посоветоваться.

Одно немного напрягало – не испытывала она той неземной страсти, о которой пишут в книгах, не замирало сердце при виде его. Да, Марго радовалась встречам, скучала, но без Саши спокойно могла жить, особо его отсутствия не замечая. Есть он – хорошо, нет его – тоже весьма неплохо.

Порой девушка задавалась вопросом: правильно ли она поступает, встречаясь с ним, есть ли будущее у их отношений? Не мешает ли ее присутствие в Сашиной жизни встретить ему ту, которая станет его настоящей, взаимной любовью? Имеет ли она право, не испытывая к нему ничего, кроме дружеского расположения, называться его девушкой?

Но сам Саша, когда Марго однажды озвучила свои внутренние вопросы, развеял ее сомнения и опасения.

– Мне хорошо рядом с тобой, – сказал он. – И к тому же африканские страсти – совсем не то, что мне нужно.

Вместе они проводили совсем немного времени. У обоих был плотный график, оба целиком и полностью отдавали себя спорту. Девушка вряд ли смогла бы вспомнить за все время их романа больше трех полных дней, в которые они отдыхали вдвоем. Если выдавались свободные часы, шли в кино или, что случалось гораздо чаще, заваливались к Марго и, удобно устроившись перед большой плазмой в гостиной, смотрели какой-нибудь фильм.

Они редко разговаривали на личные темы – все больше о планах на будущее, о футболе и теннисе, иногда вместе шли на корт. Конечно, Марго неизменно выигрывала.

Саша играл азартно, эмоционально. Переживал каждый промах.

Девушка думала, что из него вышел бы отличный теннисист, вздумай он заняться этим видом спорта и сменить футбол на теннис. Она даже в чем-то ему завидовала. Ей самой явно не хватало азарта в игре. Энергии и сил было много, а вот азарта – нет. Его заменяло стремление к поставленной цели.

Играть с Сашей ей нравилось. И дело было не в том, что победа каждый раз оставалась за ней. В минуты, когда они были на корте, девушка чувствовала единение со своим парнем, будто натянутая посередине сетка не разделяла их на два враждующих лагеря, а наоборот – связывала в одно.

Тогда – после того, как они расставили все точки над «і» – Марго уверилась в том, что она вполне счастлива, что Саша – именно тот, кто ей нужен, что у них отличные отношения, потому что в первую очередь они друзья... Главным аргументом в пользу этого романа было то, что парень совершенно не мешает ей заниматься спортом, наоборот, полностью ее поддерживает, понимает ее желание проводить на корте и в тренажерке как можно больше времени, разделяет ее честолюбивые мечты. Марго и представить не могла, как это – по-другому, другие отношения, с другим наполнением. Однажды она поделилась своими мыслями с Сашей, и он в ответ сказал ей, что сразу, с первого взгляда понял, что она такой же фанат своего дела, как и он, поэтому и выбрал ее. И благодарен ей за то, что она не устраивает ему сцен, когда он пропускает свидания, не обижается, когда он долго отсутствует или забывает позвонить, что ее совершенно не интересует вся эта романтическая чушь, которую так любят прочие девушки: букеты, конфеты, прогулки под луной и ужины в ресторанах. И если она хочет знать, он вообще не может представить себя с другой.

Марго тогда лишь улыбнулась на его признание, и вроде ничего даже не кольнуло...

Целый год ее полностью устраивало то, что у нее есть. Целый год она ловила на себе завистливые взгляды представительниц противоположного пола и немного, совсем чуть-чуть раздражалась из-за такого повышенного внимания к ее парню. Впрочем, неизменно ругала себя за это, напоминая себе, что из всех этих представительниц он выбрал именно ее, потому что она – такая же, как он.

Сейчас, сидя в вагоне несущегося поезда, Марго спрашивала себя, что же ее так удовлетворяло и даже успокаивало во фразе «потому что она – такая же, как он»? Почему для того, чтобы прийти в состояние душевного равновесия и перестать волноваться, ей хватало столь сомнительного аргумента? О чем она вообще тогда думала? Считала ли, что у нее есть человек, на которого можно положиться в любой ситуации, который не бросит ее в беде, который, в конце концов, ее любит? Или просто об этом не задумывалась?

«Скорее, все это, как и факт наших отношений, казалось мне чем-то совершенно обыденным, незыблемым, – честно ответила себе девушка. – Зачем еще люди вступают в отношения, если не для того, чтобы в горе и радости иметь рядом плечо, в которое можно уткнуться? И разве я не была для Сашки таким плечом?»

Она вспомнила, как совсем недавно – в марте – ухаживала за ним, когда он во время матча получил травму колена. Отменила на несколько дней тренировки, отказалась от участия в пусть не самом важном, но все-таки весомом турнире. Тренер тогда был сильно раздосадован ее поступком, и, если подумать, не стало ли это еще одним плюсом в пользу положительного ответа, когда он принимал решение насчет отстранения Марго от соревнований?

Кстати, это был первый случай, когда она решилась перечить Федору Николаевичу. Он настаивал на том, чтобы она не пропускала тренировки, а она не являлась неделю, пока ее парень снова не встал на ноги.

Конечно, Марго пыталась донести до своего тренера причину ее отсутствия, объясняла, увещевала, но Федор твердо стоял на своем:

– У тебя не может быть никакой личной жизни, пока ты не станешь спортсменкой с мировым именем, – твердил он. – И даже тогда заводить отношения не стоит. Теннис – вот что главное в твоей жизни. Все остальное – ерунда.

А еще он добавлял:

– Мне казалось, ты взрослый ответственный человек, и решение, когда я предложил тебе сотрудничать и поставил свои условия, принимала с трезвой головой. Ты знала, что многим придется пожертвовать, и свиданиями с мальчиками в том числе. Так в чем же дело? Почему теперь ты представляешь все так, как будто я твой палач и лишаю тебя самого главного?

На это Марго отмалчивалась. У нее не получалось доказать свою правоту, и она просто тихо поступала по-своему – не являлась на тренировки.

Она не считала, что тренер прав. В жизни бывают разные ситуации, и иногда чем-то приходится жертвовать – это так. Но нужно уметь правильно расставлять приоритеты. Нельзя ставить собственную спортивную карьеру выше здоровья близкого человека.

Конечно, Саша не умер бы без нее, тут Федор прав. Но она как его девушка должна находиться рядом, когда ему плохо, заботиться о нем, помогать. Потому что родные люди именно так и поступают.

Впрочем, Саша тогда быстро восстановился, уже через неделю был на ногах и вернулся на поле. Был ли он благодарен своей девушке за ее самоотверженность – вот вопрос. Раньше Марго казалось: да, был. Теперь она пришла к выводу, что он попросту не понял ее поступка. Но ведь принял же ее жертву! Хотя и знал, чем для нее все это может закончиться.

И вдвойне, нет, даже тройне обидно, что в точно такой же ситуации сам Александр смог поступить совершенно иначе.

В день, когда Марго получила травму и оказалась в больнице, она отправила своему парню эсмэску, в которой проинформировала его о случившемся. И даже адрес больницы написала – глупая! Ответ пришел лишь пару часов спустя и был он совсем не тем, который ожидала девушка.

«Мне очень жаль, что я не могу приехать, – гласило сообщение. – Послезавтра у меня важная игра. Выздоровливай!».

Девушка перечитала эсмэску раз пять, прежде чем до нее дошел смысл написанного: Саша не придет, у него нет на нее времени, и вообще он не считает ее проблемы хоть сколь-нибудь важными.

Это было больно. Гораздо больнее, чем ломота в запястье. Марго тогда сразу не нашлась что ответить – пережидала, когда схлынет обида и высохнут слезы, а затем набрала краткое сообщение: «Хорошо. Спасибо», посчитав, что продемонстрировать свое недовольство и выяснять отношения посредством эсмэсок – как-то смешно, да и вообще мелко, равно как и вообще, в принципе, устраивать какие-либо разборки. Ведь и так все уже понятно.

За те дни, что девушка провела в больнице, Александр так и не нашел времени проведать ее. Зато сообщения слал ежедневно, но все они были холодными, больше похожими на отписки, типа: «У меня все отлично. Как ты?» или «Продули итальянцам. Надеюсь, что тебе уже лучше».

Марго отвечала ему ровно в таком же приятельско-деловом тоне, а про себя ужасалась тому, как слепа была раньше. Ведь Саша всегда гораздо больше интересовался футболом и своими успехами, чем ею. Но почему-то прежде ее это устраивало, а теперь вдруг перестало.

К выписке из больницы девушка уже отчетливо осознавала: у нее больше нет парня. Да и не было никогда – одна сплошная иллюзия. Красивая картинка, не более.

У них не имелось возможности объясниться, да и Марго пока не представляла, как сможет это сделать спокойно, не сорвавшись на крик и обвинения, не расплакавшись. Все-таки стоило признаться себе в одном: как она ни старалась отодвигать отношения с Сашей на второй план, за год она сильно привязалась к парню, и его предательство, которое он к тому же не считал таковым, ударило по ней гораздо больнее, чем хотелось бы.

Поэтому сейчас Марго просто проигнорировала сообщение, полностью выключила телефон и запихнула его в самый глубокий карман стоящего рядом с ней чемодана.

«Вряд ли он понял, что что-то произошло, – с горечью подумала она. – Даже не почувствовал, что потерял меня».

За окном теперь проносились луга с сочной изумрудно-зеленой травой, леса и редкие проселочные дороги. До Владимира оставалось всего сорок минут езды.

Когда Марго вышла из здания вокзала, над городом плыл колокольный звон. Девушке казалось, что воздух буквально пропитан густым мелодичным голосом колокола, она даже привкус меди во рту почувствовала.

Захотелось хоть на час задержаться в городе, пройти по знакомой с детства центральной улице, полюбоваться на соборный комплекс, дойти до старой водонапорной башни, со смотровой площадки которой открывался вид на многие километры в стороны.

Еще в детстве мама и бабушка часто привозили Риту сюда на выходные. У бабушки где-то здесь – Марго сейчас уже не помнила названия той улочки – жила близкая подруга. Обычно они останавливались у нее, – если, конечно, задерживались на пару дней. Бродили по городу, смотрели достопримечательности, заходили в музей. Бабушка обязательно посещала службу в Княгининском монастыре и норовила затащить с собой маленькую Риту. С мамой же они по существующей между ними традиции забегали в кафе-мороженое и лакомились вкуснейшими вафельными рожками с цветными шариками пломбира с разными вкусами.

В одно из таких посещений кафе Рита и узнала – совершенно случайно – о главной маминой душевной боли, правда, поняла, насколько эта боль сильна, спустя только несколько лет.

Рите тогда было лет семь-восемь. И сейчас она даже вспомнить не могла, почему задала этот вопрос.

– Мам, а почему у меня есть только баба Нюра? Разве другие мои бабушка и дедушка умерли?

Родительница опустила глаза, по ее лицу пробежала тень.

– Нет, они живы. Живут в Вильнюсе. Но мы давно с ними не общаемся.

– Почему? – Девочка замерла в ожидании ответа, не донеся ложку с ванильным пломбиром до рта.

Мама тяжело вздохнула:

– Когда я встретила и полюбила твоего папу, твой дедушка был сильно против наших отношений. А когда мы поженились, он полностью вычеркнул меня из своей жизни.

– Разве так бывает? – удивилась Рита. – Ты же его родная дочь!

– Еще как бывает, – усмехнулась мама. – А дочери у него с тех пор больше нет, он сам так сказал.

Тогда Рита посочувствовала ей, произнесла что-то типа:

– Наверно, он очень глупый – твой папа. Но ты не переживай, у тебя есть мы с папой и бабой Нюрой.

И родительница улыбнулась, обняла ее, поцеловала в затылок.

Позже, в следующие годы, Рита временами возвращалась мыслями к тому разговору и пыталась понять своего деда, его поступок. И по-прежнему не могла. Не укладывалось в голове, как можно из-за каких-то глупых амбиций испортить отношения со своей дочерью до такой степени, чтобы вообще с ней не видеться и даже не созваниваться, лишь потому, что она вышла замуж за неугодного мужчину.

Было обидно и то, что дед не хотел знать и о ней – Рите. Он вычеркнул из своей жизни не только дочку, но и внучку, с которой даже никогда не встречался.

– Мам, а как же твоя мама? – спросила однажды Рита. К тому моменту ей уже исполнилось тринадцать. – Как она могла допустить такую ситуацию? Неужели она поддержала деда?

– Она всегда во всем его слушалась, – ответила родительница. – Как он скажет, так и будет. Решил он, что я не стою их внимания и заботы, значит, на самом деле не стою. Понимаешь, у нее нет своего мнения, она живет, руководствуясь мнением мужа.

– А ты не жалеешь? – озвучила Рита мучавший ее вопрос. Она боялась, что вдруг мама скучает и переживает разрыв до сих пор, вдруг ей не дает покоя мысль о том, что она сделала неправильный выбор и нужно было поступить так, как хотел ее отец, – выйти замуж за какого-то другого человека, которого, как уже знала Рита, он выбрал своей дочери. Поступить так, как поступила мамина сестра тетя Виола.

– Ни капли, – твердо ответила родительница. – У меня самая лучшая семья, какую только можно пожелать. Любимые муж и дочь, замечательная свекровь. Пусть мой отец и мать жалеют, ведь они потеряли свое право быть членами нашей семьи.

Впрочем, Рита понимала, что все-таки подробности жизни своей дочери ее бабушка знает. Со своей старшей сестрой мама общалась, та совершенно не собиралась обрывать с ней связь. Они постоянно перезванивались и пусть редко, но все же навещали друг друга.

Тетя Виола Рите нравилась, хотя и казалась какой-то аморфной, что ли. Была она тихой и безынициативной, разговаривала едва слышным голосом и выглядела лет на двадцать старше своей сестры, хотя разница в возрасте у них составляла всего пять лет.

Мужа Виолы Рита видела всего пару раз – он постоянно пропадал на работе, детей у них не было, так что Виола все время скучала дома в одиночестве. Она занималась садом, вязала бесконечные носки, шарфы и свитера и в общем и целом вела жизнь совсем не молодой женщины, а бабушки за семьдесят.

По-настоящему задуматься о глубине маминой обиды на своих родителей Рите пришлось, уже когда мама болела. И на мысль об этом ее натолкнула бабушка Нюра, вернее, случайно подслушанный девочкой их разговор с отцом. Тогда же она узнала и о том, что настоящим маминым именем было вовсе не Ирина, как называли ее муж и свекровь, да и вообще все друзья и знакомые, а Ирма.

Папа объяснил Рите, что от этого имени ее мама отказалась, выйдя за него замуж и разорвав отношения с родителями. Это был символический жест, как понимала теперь уже совсем взрослая Марго, таким образом мама попрощалась с прошлым. Так же в свое время поступила и сама Рита, начав называть себя Марго и представляться новым людям именно этим именем.

– Надо бы позвонить Иришиным родителям, – говорила бабушка. Рита проходила мимо гостиной, и до нее через приоткрытую дверь донеслись голоса родных. – Они должны знать. Может, хоть теперь простят ее и приедут.

– Это она должна их прощать, – возмутился отец. – Да и на нас она обидится, если мы за ее спиной попытаемся наладить контакт с ее родителями.

– Какая теперь разница, кто первый делает шаг. Не время сводить счеты и быть гордыми. – Бабушка тяжело вздохнула. – Мой тебе совет: позвони!

– Нет, – отец твердо стоял на своем. – Пусть Ира сама решает, нужны они ей теперь или нет. И вообще, эти люди отказались от нее в то время, когда ей была необходима их поддержка, не приедут и сейчас.

– Ты хотя бы попробуй! – увещевала его баба Нюра.

– Нет. – В голосе Ритиногo отца звучал металл.

Они поспорили еще немного, а затем бабушка махнула рукой и устало произнесла:

– Ладно, поступай как знаешь. Но я бы попыталась. Плохо, если Ириша уйдет, так и не помирившись с ними.

Первым порывом было ворваться к ним в гостиную, закричать: «Как это уйдет?», но вместо этого Рита тихонько вышла в сад и, стряхнув снег, уселась на качели.

Хотелось заплакать, но слез не было. В горле стоял огромный комок, и даже дышать было больно.

Тогда и поселилась прочно в голове бабушкина идея – поговорить с маминими родителями, убедить их приехать к дочери, поддержать ее. Рита даже поверила, что, если они помирятся, мама выздоровеет.

В другой ситуации девочка ни за что бы не стала первой звонить. Да и не так просто это было. Сперва требовалось разыскать телефонный номер, затем дозвониться по межгороду в Вильнюс.

Для этого Рита отправилась на суздальский переговорный пункт, предварительно подсмотрев в маминем мобильнике номер ее сестры. Звонить из дома, пусть даже и со своего телефона, девочка не решилась – не хотелось, чтобы кто-то из домашних услышал ее разговор.

Долго дозванивалась тете Виоле, затем путано объясняла, зачем ей понадобился телефон ее родителей. Тетя на том конце провода отчетливо всхлипывала и не сдерживала слез. А Рита по-прежнему не проронила и слезинки.

Получив долгожданный номер, она не стала звонить сразу. Сперва стоило как следует продумать разговор. Надо было понять, как провести его так, чтобы мамин отец не бросил трубку сразу, чтобы хотя бы выслушал до конца.

Наконец, побродив часа полтора-два по заснеженным улицам, девочка решилась. Она вернулась на телефонную станцию и набрала номер.

Уже через пару гудков в трубке раздался твердый мужской голос, вот только говорил мужчина не на русском, а на литовском, которого Рита не знала. И хотя первой ее реакцией была паника, она подавила порыв бросить трубку и произнесла:

– Здравствуйте, могу я услышать Николаса Кайриса?

– А могу я узнать, кто его спрашивает? – тут же перешел на русский мужчина.

– У меня к нему важный разговор, пожалуйста, передайте ему трубку, – попросила девочка. Представляться его внучкой она сочла не самым умным ходом.

– Николас Кайрис – это я, – ответил ее собеседник.

И тут весь Ритин план ведения беседы, который она построила, бродя по родному городу, вылетел у нее из головы.

– Я звоню по поводу вашей младшей дочери Ирмы, – затараторила она. – Вы ей очень нужны. Дело в том, что она тяжело больна и может умереть. Не могли бы вы приехать? Пожалуйста!

Позже она ругала себя за то, что не смогла иначе выстроить диалог, но это было позже.

Тогда ее дед холодно проговорил:

– Девушка, никакой дочери по имени Ирма у меня нет, и не надо больше сюда никогда звонить. – И отсоединился. Рита не успела даже ничего сказать.

Сперва она подумала, что случайно ошиблась в цифрах и набрала не тот номер, поэтому еще трижды перезванивала. Но больше к телефону никто не подошел.

Она пыталась дозвониться до квартиры маминих родителей снова в этот же день поздно вечером, но опять безрезультатно. Тогда догадалась повторно набрать тетю Виолу. Та племяннице не сильно обрадовалась.

– Я же тебя предупреждала, что это плохая идея. – Виола говорила, как всегда, едва слышно, и девочке приходилось усиленно напрягать слух. – И мне от отца досталось. Устроил скандал по поводу того, что я дала неизвестно кому их номер.

– Я не известно кто, я его внучка. – Теперь Рита более чем хорошо понимала маму. Дед оказался настоящим самодуром.

– Рит, – тон тети стал мягче, – не звони им больше, все равно ничего не добьешься. Они не придут. А я вылечу к вам первым же рейсом.

Но девочка ее не послушалась. Она методично звонила весь следующий день, даже из школы ради этого сбежала пораньше, прогуляв два последних урока. И наконец ее настойчивость увенчалась успехом.

На этот раз к телефону подошла ее бабушка. Почему-то Рита сразу поняла, что деда дома нет, поэтому его жена и осмелилась взять телефон.

Говорила женщина на русском, словно прекрасно знала, кого сейчас услышит.

В отличие от деда она не была столь категорична и непреклонна. Подробно расспросила, что случилось, повздыхала, поахала, но приехать не обещала – слишком сложно ей было вырваться. И хотя она даже извинилась по этому поводу, Рите легче не стало.

– Как вы можете так?! – не выдержала она под конец разговора, когда ее бабушка уже собиралась класть трубку. – Вы же потом всю оставшуюся жизнь будете жалеть и винить себя за то, что не успели попрощаться с собственной дочерью! – В ее голос все-таки прорвались слезы, и последнюю фразу девочка буквально выкрикнула сквозь рыдания. А затем сама нажала отбой.

И двадцать минут сидела, сжавшись в тугой комок на полу переговорной кабинки, пытаясь успокоиться.

Каково же было ее удивление, когда через день тетя Виола приехала не одна, а со своей матерью – сухонькой, миниатюрной женщиной, чье лицо еще хранило следы былой красоты.

Они приехали без звонка, и их появление стало шоком для всех Ритиных домочадцев. Девочка едва сумела изловчиться и шепнуть гостям, чтобы не выдавали ее никому, не сообщали, что приехали, потому что она попросила.

Бабушка Катрина почти сразу прошла в мамину комнату и находилась там долго, часа, наверно, три или даже четыре. Рита никогда не узнала, о чем они там с ее мамой разговаривали. Но родительнице после этого разговора и правда как будто стало лучше. Она даже к ужину спустилась, хотя до этого две недели лежала, не вставая с кровати.

Это был странный ужин. За столом то и дело повисало молчание, ни одна тема надолго не приживалась. Но мама улыбалась. И хоть есть Рита не могла – пища не желала лезть в горло – ее настроение впервые за два последних месяца стало радостным.

Узнав расписание автобусов до Суздаля на ближайшие три часа, Марго решила все-таки немного пройтись. В конце концов, она теперь свободный человек, никому ничего не должна, делает, что хочет, вернее, что считает нужным.

Сегодня была суббота, и город только просыпался. Улицы пока оставались практически пустыми – минимум машин и прохожих, максимум свежести и золотистого майского солнца.

Девушка шла не торопясь, во все глаза разглядывая знакомые места. В какой-то момент ей показалось, что стоит хоть немного повернуть голову, и она увидит идущую рядом летящей походкой маму. Даже запах ее духов почудился. И хотя Марго знала, что пахнет на самом деле от нее самой, ей не захотелось нарушать волшебства этого момента – напротив, она закрыла глаза и сбавила шаг.

Боже, как же ей все эти годы не хватало мамы! Временами она обманывала себя тем, что ей уже почти удалось пережить утрату, смириться, отпустить, но в глубине души она всегда знала: это не так. И на самом деле мама навсегда останется самой страшной ее болью, самой невосполнимой потерей.

А ведь прошло уже пять лет с того дня, как ее не стало. Как же быстро летит время! Не угонишься! Кажется, будто она была рядом еще вчера – улыбалась, смеялась, приходила к дочери пожелать спокойной ночи перед сном, а утром встречала на кухне сонную Риту ароматными оладушками с медом...

Марго провела ладонью по лицу, смахивая набежавшие слезы, и открыла глаза. Прямо перед ней было то самое кафе-мороженое, в котором они провели с мамой столько счастливых часов. Ноги сами вывели ее к нему. Вот только в этот ранний час кафе было еще закрыто.

«Часы работы: с 10 до 21» – прочитала девушка на табличке у входа.

«Жаль», – подумала она. Но не ждать же теперь два часа, околавываясь поблизости. И не так уж сильно хочется ей мороженого, гораздо меньше, чем воскресить в памяти то время, когда мама еще была с ней – в мельчайших деталях.

Рядом с кафе находился городской парк, сейчас абсолютно безлюдный. Только веселые воробьи перебежали мелкими прыжками от лавочки к лавочке, выискивая вчерашние крошки.

Марго, оставив чемодан чуть в стороне, присела на одну из скамеек и вытянула ноги.

Воздух здесь пах распутившейся махровой сиренью, ее кусты были повсюду, девушка буквально тонула в ее сладком аромате.

Мама любила сирень больше всех остальных цветов, и все недолгое время, отпущенное ей природой на цветение, в бабушкином доме повсюду были расставлены вазы с густыми шапками цветов – голубыми, фиолетовыми, пурпурными. А еще кусты цвели за окнами – и сейчас цветут, скорей всего, – уже сегодня Марго будет это знать наверняка.

Насколько Марго помнит, мама и на первую ее настоящую игру пришла с букетом сирени. Молочно-белой. Родительница сидела в первом ряду, и Рита то и дело бросала на нее взгляды, ища поддержки. Даже пару мячей пропустила поэтому. И, конечно, проиграла, но мама все равно гордилась ею так, будто она выиграла минимум Уимблдонский турнир.

Рите тогда было одиннадцать, самая обычная девочка – без глобальных планов стать известной теннисисткой. Она даже не помнит, чтобы теннис в то время так уж сильно ей нравился. Да, ходила в секцию с удовольствием, но в основном из-за того, что там подобралась хорошая компания, а вовсе не из-за самой игры. Хотя тренерша Татьяна постоянно всем ставила ее в пример, говорила, что рука у девочки твердая, удар мощный, да и выносливостью Рита обладает огромной. Но в голову тогда и не приходило, что спустя всего каких-то два года она решит прочно связать свою жизнь с этим видом спорта, и даже ради достижения своей мечты переедет в Москву.

Это решение помогла ей принять мама. Опосредованно, конечно, потому что самой мамы тогда уже не было. Ее вообще очень быстро не стало. Сгорела всего за два месяца, словно яркая березовая лучина.

И лето в Каркле было их последним совместным летом. На Новый год мама уже тяжело болела.

Девушка до сих пор до конца не понимает, как смогла пережить тогда утрату. Мама была для нее центром вселенной, самым близким ее человеком, лучшей подругой, защитницей, советчицей. Мир без нее моментально стал пустым, дом начал казаться мертвым. Марго старалась бывать в нем как можно меньше. А куда пойти в провинциальном Суздале? Не в школе же сидеть до ночи. А близких подруг и даже приятельниц – как-то так вдруг оказалось – девочка не нажила. Даже Светка от нее отстранилась. Все они после смерти мамы стали вдруг ей чужими, да и они сами теперь ее сторонились, видя, как Рита из веселой заводной девчонки превращается в самую настоящую буку. Вот и приходилось ходить в спортивный зал и с ракеткой в руках часами простаивать у стенки, отрабатывая удары.

В движении казалось, что горе хоть немного, но отступает, сдается. К тому же Марго напоминала себе, что маме всегда нравился теннис, и это она привела свою дочь в секцию.

Тренерша видела усилия девочки и всячески ее поддерживала. Жалела ее, наверно, но никогда этого не показывала. Напротив, говорила всем, что Рита – удивительно сильная личность, не сдается в такой тяжелой ситуации, не опускает рук.

Когда Татьяна предложила Рите заниматься с ней дополнительно, та, не раздумывая, согласилась. Успех не заставил себя долго ждать. Теперь она чаще выигрывала соревнования, чем проигрывала. Девочка довольно быстро получила первый разряд. Вот тогда и встал вопрос о ее будущем.

Именно Татьяна убедила отца в том, что Рите нужно переселяться в столицу, если, конечно, она хочет добиться каких-то серьезных высот. Но, наверно, в глубине души отец уже был готов к таким переменам. Сам-то он еще год назад купил в Москве квартиру и все чаще жил там, нежели дома – у своей матери, Ритиной бабушки, в Суздале.

Марго тогда моталась к нему на каникулы, но времени вместе они проводили мало – отец все больше пропадал по концертным площадкам и клубам. А вскоре его группа и вовсе подписала выгодный контракт с иностранными спонсорами, и он был вынужден надолго уехать за рубеж.

Марго смутно помнила первый год в Москве. Жила практически все время одна, училась заочно, сдавала экзамены экстерном, все дни до позднего вечера проводила во Дворце спорта. Сперва думала: сорвется, не выдержит нагрузки, но потом втянулась, ей даже стала нравиться такая жизнь. Говорят же, что человек ко всему привыкает.

Плакала только первое время часто – почти каждую ночь – больше от усталости, чем от горя. В такие минуты она почти физически ощущала, как мама заходит в ее комнату, садится с краешка на ее кровать и ласково гладит дочь по голове...

Марго открыла глаза и посмотрела на часы. Что-то совсем она расслабилась-расклеилась. Надо вставать и топтать обратно на вокзал. До ближайшего автобуса двадцать минут, должна успеть. А во Владимир можно еще приехать – специально, как раньше, на пару дней. Может, даже бабушку удастся вытащить, надо только попросить соседку кормить в их отсутствие Полкана и кота.

Автобус был набит битком, и Марго пожалела, что не уехала раньше, пока еще не проснулись все эти туристы. Солнце уже начинало парить, и в салоне, даже несмотря на открытые окна, стояла духота.

Девушка, впрочем, успела занять место у окошка, правда, сесть не удалось, зато большой ее чемодан легко поместился на задней площадке.

Народ шумел, смеялся, переговаривался. Речь была разной – и русской, и английской, и немецкой. Марго даже слышался в стороне плавный французский язык. Сама она успела выучить только английский, во время заграничных поездок худо-бедно получалось изъясняться так, чтобы ее понимали.

Ее взгляд рассеянно скользил по лицам пассажиров. Никого пристально рассматривать Марго не собиралась, так, скорее делала это машинально. Но в какой-то момент ей показалось, что среди прочих мелькнуло знакомое лицо.

Девушка спохватилась, вернулась глазами на полметра влево. И правда, этот парень казался смутно знакомым: забранные в хвост густые каштановые волосы, темно-серые глаза, чуть курносый нос... Откуда она может его знать? Автобус тронулся, качнулся, Марго невольно сделала шаг в сторону и посмотрела на парня с другого ракурса. Теперь ей был виден небольшой шрам, очертаниями похожий на стрелу, на его скуле.

Да это же Илюха Терцов! И как она сразу не догадалась? Они же учились вместе с первого класса, какое-то время даже сидели за одной партой. Вот только за годы, что они не виделись, Илюха вытянулся в росте и раздался в плечах, волосы опять-таки отрастил, да и одеваться стал иначе.

Марго вспомнила, как девчонки-одноклассницы классе в восьмом распространили по школе слух, что Терцов страстно влюблен в Назарову, то есть в нее, следили за ним, словно больше им делать было нечего, подначивали. А Риту их интриги не интересовали, другие

проблемы имелись, посерьезней чьей-то выдуманной любви. Да и какая может быть любовь в четырнадцать лет? Смех, да и только!

Марго вдруг осознала, что парень тоже ее разглядывает. Во все глаза. Словно не может себе поверить. Будто привидение увидел или стал невольным свидетелем приземления летающей тарелки. Сделалось неловко. Что это, в самом деле, она сама пялится на человека!

Девушка улыбнулась бывшему однокласснику и махнула рукой, мол, привет, иди сюда. Терцов неуверенно улыбнулся в ответ и стал пробираться к ней по подсакивающему на колдобинах автобусу, попутно извиняясь перед теми, кого нечаянно толкал.

Наконец, он оказался прямо перед Марго. Несколько секунд они молча рассматривали друг друга, после чего Илья заговорил.

– Это и правда ты? А я думал, померещилось, – произнес он. – Не сразу узнал. Ты изменилась.

– Да и ты прежним не остался, – ответила девушка.

Они помолчали.

– Надолго к нам? – спросил Терцов, кивнув на чемодан.

Марго пожала плечами:

– Как получится. Может, и навсегда.

– А что с рукой? – не отставал парень.

– Сломала на тренировке. – Она кинула взгляд на закрепленную на перевязи свою руку.

Пальцы казались какими-то неживыми, серыми с синюшным отливом.

– Больно, наверно, – сочувственно сказал Илья, а Марго фыркнула.

– Терпимо. Ну, а у тебя как дела?

– Жизнь бьет ключом, – усмехнулся парень. – Все как обычно.

– Ясно. – Девушка подвинулась поближе к окну, чтобы врывающийся в него ветер омывал ее лицо.

– Из наших с кем-нибудь общаешься? – Терцов тоже подвинулся ближе к стеклу, положил руку на поручень, и Марго поразились, какая огромная у него вымахала лапища. А пальцы длинные, красивой формы.

– Неа, – ответила она.

– А что так? – удивился он.

– Некогда. – Девушка поймала себя на мысли, что ее ответы слишком уж односложные, словно она не желает разговаривать с бывшим одноклассником. А ведь сама его позвала подойти. Спрашивается, зачем? Стоял бы себе в другом конце салона и стоял. Неудобно как-то. – Я же ушла с середины девятого, – напомнила она. – Сперва со Светкой Ивановой созванивалась, а потом и с ней потерялись.

– Странно, мне казалось, вы так близко дружили... Она замуж вышла прошлым летом, сразу после выпускного. Встретил ее недавно в магазине – счастливая, довольная. Ползунки всякие для будущего сына покупала.

Марго вскинула на него глаза и тут же снова опустила. Как же быстро бежит время! Получается, ее лучшая школьная подруга, с которой они, когда были детьми, прыгали в классики на школьном дворе, сама уже ждет ребенка. Удивительно! А она-то – Марго – все пропустила!

– Не рано она? В восемнадцать-то лет, – произнесла девушка вслух, чтобы хоть что-то сказать.

– Нормально, – отозвался Терцов. – К тому же она всегда хотела семью. Светка – она же домашняя такая. И парень ей попался хороший. Да и представляешь, родит сейчас, а потом, когда ей исполнится, к примеру, тридцать, у нее будет уже взрослый сын. Здорово! Гуляй – не хочу!

В последнем тезисе Марго сомневалась, тем не менее кивнула.

– Тебе, кстати, идет стрижка, – вдруг проговорил Илья. Девушка даже удивилась такой резкой смене темы.

– Спасибо, – поблагодарила она.

Снова замолчали.

Марго, положив здоровый локоть на поручень и опершись на него, смотрела в окно на проплывающие мимо поселки и поля. Ветер приятно охлаждал лоб и щеки, шевелил отросшую челку. Девушка кожей чувствовала взгляд Терцова, но не оборачивалась к нему, делая вид, что не замечает его пристального внимания. Но расслабиться никак не могла, как не могла и продолжить общение.

Ну о чем еще можно поговорить с тем, кого не видел много лет? С одной стороны, вроде за годы столько всего произошло, только и обсуждать, с другой – все произошедшее настолько далеко разбросало их друг от друга, что кажется, будто между – пропасть. Вот и остается задавать общие вопросы, получать общие ответы, а потом пялиться в окно.

Марго казалось, Илья что-то хочет спросить, но почему-то не решается. Но помогать ему она не собиралась. Мало ли что у него в голове за вопросы. Сейчас начнет еще расспрашивать о ее успехах в спорте, и что ей тогда отвечать? Врать, что все отлично? Хвастаться достижениями?

Но парень молчал, и девушка была ему за это благодарна.

Марго всегда симпатизировала Илюхе Терцову. На фоне других одноклассников он казался серьезным, вдумчивым, спокойным и сосредоточенным. Хотя и странным – во всяком случае, многих его поступков девочка не могла объяснить.

Например, зачем он остается после уроков на дополнительную физру, на которой всегда происходят всякие пересдачи и присутствуют в основном одни девчонки, не успевшие или не сумевшие во время урока сдать норматив.

Физрук у них был – зверь. Его боялась вся школа, никаких послаблений он никому не давал. Даже спортсменке Рите. Особенно Рите. К ней он придирался больше остальных и однажды даже довел ее до слез.

Она частенько оставалась после уроков в числе прочих. Бегала кросс, метала мячи, подтягивалась, отжималась, прыгала и снова бегала кросс. И ни разу физрук не поставил ей оценки выше четверки, несмотря на то, что она была самой сильной, выносливой и тренированной из всех девчонок класса.

Физру Рита ненавидела всей душой. Ей казалось – это ее персональная пытка такая – выполнять бесконечные требования физрука, и дополнительные уроки были для нее тяжелой повинностью.

Вообще девчонок учитель гонял больше, чем парней, неизменно повторяя:

– Мальчишки – они и сами за своей физической подготовкой следят, без всяких указок. А вас не заставишь лишнее приседание сделать. Сами себе вредите! Ленились, а потом начинается: я толстая, у меня там болит, здесь болит, бока висят, в джинсы не влезаю. На диету садитесь – а в итоге еще больше свое здоровье губите.

И хотя Рита понимала, что слова физрука не лишены здравого смысла, все равно ни его самого, ни его предмет не любила, как и все без исключения ее одноклассницы. Очень девчонки обижались на то, что парни успевали легко все сдавать во время уроков, а их оставляли после. В итоге на школьном стадионе или в спортивном зале собиралась толпа представительниц женского пола – из их и прочих классов. И частенько Терцов...

Зачем он раз за разом приходит, никому не было понятно. Ладно бы что-то делал, а то сидит на скамейке и наблюдает. Физрук, видевший такое постоянство, даже пытался его привлечь себе в помощники, но Илюха отказывался и снова сидел без дела.

– Ну надо человеку посидеть спокойно, чего вы к нему пристали? – защищала приятеля Светка от любопытства одноклассниц. – Может, ему так думается лучше.

Девчонки в ответ фыркали и косились на Риту. А она не замечала всего этого в упор. Но к Илье испытывала благодарность, зародившуюся в ней после одного случая.

Тогда как раз физрук довел ее до слез – он снова и снова заставлял бежать на время короткую дистанцию и снова и снова не удовлетворялся ее результатами. Рита уже совершенно выдохлась, а учитель все не отставал. В итоге она психанула, сбежала со стадиона в здание школы, опустила в холе на лавку и сидела, утирая струящиеся по лицу слезы.

А вскоре пришел Терцов, присел рядом, положил руку на ее плечо, сжал.

– Не расстраивайся, – сказал он. – Он же не хотел тебя обидеть.

– Ага, конечно! – взорвалась девочка. – А чего он тогда ко мне так придирается?

– Просто он знает, что ты лучшая, а с лучших и спрос больше, – пояснил парень.

– Это в чем же я лучшая? – удивилась она.

– Во всем. – Терцов снял руку с ее плеча и теперь просто сидел рядом. – Ты играешь в теннис, все об этом знают, делаешь успехи, едешь на соревнования. Физрук хочет, чтобы ты была самой сильной, тренированной, чтобы тебя никто не мог победить.

Рита фыркнула. Но ощущение, что с ней поступают несправедливо, испарилось, словно его и не было.

– Слушай, а можно как-нибудь прийти на матч? – спросил вдруг Терцов. – Всегда хотел побывать.

Девочка кивнула:

– Почему же нельзя, приходи. Я сообщу тогда, как что-то будет.

На том и порешили. А на следующих – любительских – соревнованиях Илюха и правда сидел на трибуне рядом со Светкой и парой других их одноклассников и болел за Риту.

Они громко приветствовали каждый ее взятый мяч, а после игры все вместе отпраздновали Ритину победу в недавно открывшуюся кофейню.

Воспоминания о том дне остались у Марго самые хорошие. Пожалуй, это был один из самых светлых дней из того года. В тот день она снова была прежней Ритой – веселой, жизнерадостной, активной. И ребятам нравилось находиться в ее обществе – она видела это по их лицам.

Жаль, что потом события стали развиваться с невероятной скоростью, и Марго затянула под себя гигантская волна бед и жизненных потрясений, а после она и вовсе уехала из родного города в Москву.

А так, кто знает, как могло бы быть, останься она в Суздале. Может, рано или поздно она прислушалась бы к словам девчонок, что «Терцов влюблен в Назарову», поняла бы, что доля истины в этом есть, и сама обратила бы на Илюху внимание.

Но тогда вряд ли в ее жизни случились бы победы и поражения, Федор Николаевич, Дворец спорта, Саша, международные и российские турниры, перелеты, московская квартира и одиночество в ней, перелом руки и последовавший за ним отъезд домой – возможно, навсегда.

Сейчас ей сложно было сказать, чего во всем этом больше – положительных моментов или отрицательных. Склонялась скорее к отрицательным, потому что было жаль потраченного времени на несбывшуюся, как теперь уже стало понятно, мечту.

«Но ведь и надежда была, – напомнила себе Марго, – нельзя об этом забывать».

Когда уже проехали село Павловское, Терцов наконец подал голос:

– Слушай, ровно через две недели, в субботу, в школе будет встреча выпускников. Приходи, если будешь еще тут.

Марго пожалала плечами, словно говоря: зачем, кому я там нужна?

– Уверен, тебя многие будут рады видеть, – настаивал Илья.

– Посмотрим, – неопределенно ответила Марго.

Через пятнадцать минут автобус въехал в пригород Суздаля и покатил по улицам. Все здесь было знакомо до мелочей, до каждого поворота, до каждого камня. Казалось, даже собаки и куры все те же, что в детстве.

Наконец автобус остановился на автовокзале, и народ начал медленно покидать салон. Тут никто никуда не спешил, все словно находилось на отдыхе.

«Оно и понятно, в основном же туристы», – подумала Марго, хватая здоровой рукой ручку чемодана. Но тут же почувствовала, как на ее пальцы легла теплая ладонь.

– Оставь, я возьму, – раздался над ухом голос Терцова, и девушка подчинилась.

Они жили на соседних улицах – это она вспомнила уже по дороге к бабушкиному дому. Встала перед глазами картинка: зима, холод, изо рта валит пар. Они со Светкой опаздывают в школу, бегут, поскальзываясь на частых наледях, и на перекрестке встречают Илюху. Он стоит, глядя на их улицу, словно ждет кого-то.

– Ты чего тут? – кликает его Светка. – До звонка пять минут.

– Ага, я сейчас, – невпопад отвечает парень.

Они пробегают мимо него, а через двадцать метров Рита оборачивается и видит, что Терцов топает за ними, как почетный эскорт. «Не дождался того, кого ждал», – думает она и прибавляет шаг. Почему-то тогда и мысли о том, что он может ждать ее, не возникало.

Илья катил ее увесистый чемодан легко, словно он не был заполнен доверху – так, что еле застегнулся. Кажется, она выгрести вчера в порыве из шкафов все, до чего дотянулись руки, практически ничего не осталось. Жаль, семейную фотографию со стены упаковать не получилось – слишком габаритная, поместилась только та, что стояла на столе. Ну да она это исправит – распечатает в фотоателье новую.

– Тебе вроде направо, – сказала Марго на том самом перекрестке.

– Верно, – спокойно согласился парень. – Но я сперва тебя провожу.

– Спасибо, – улыбнулась девушка.

Так они и подошли к ее дому – вместе, словно и приехали вдвоем.

За забором уже гулким басом лаял Полкан.

«Неужели меня почувствовал?» – удивилась Марго. И вспомнила, как раньше пес встречал ее из школы – узнавал по шагам, еще когда она была внизу улицы, заливался лаем. А стоило только открыть калитку, как он бросался к ней, подпрыгивал, вилял хвостом, а затем ставил свои огромные лапы ей на плечи и вылизывал лицо.

В груди защемило. Как она могла приезжать к бабушке так редко? Здесь же все, что она любила! Просторный дом – с кирпичным первым и деревянным вторым этажами, резные наличники на окнах, старая плакучая береза, закрывающая своими ветвями от посторонних глаз практически весь фасад, широкое крыльцо со скрипящей третьей ступенькой, качели в саду, которые поставил для дочери отец, бабушкина клубника и яблони, сирень и жасмин...

Ей захотелось бежать вперед со всех ног. Влететь во двор, обнять Полкана, одним прыжком преодолеть крыльцо, ворваться, словно маленький ураган, на веранду и крикнуть:

– Ма, ба, я дома!

Марго резко мотнула головой, отгоняя наваждение. Поглядела на Илью и на свой чемодан.

Парень понял ее правильно, подкатил к ней багаж.

– Ладно, я пойду, – сказал он. – Увидимся. – И, не дожидаясь ее ответа, развернулся и пошел назад – туда, где виднелся перекресток, соединяющий две их улицы.

Девушка пару мгновений смотрела ему в спину, затем взялась за ручку чемодана и толкнула калитку.

Как же странно это было – снова оказаться в своей детской комнате – не проездом, а надолго, не гостьей, а хозяйкой. Словно какое-то бесконечное дежавю.

Первые два дня Марго практически целиком проспала. Просыпалась лишь для того, чтобы сходить на кухню и поесть, и снова возвращалась в кровать. Бессонница в родном доме ее отпустила, словно вовсе позабыла о ней, или решила дать передышку до поры. Даже сны девушке не снились, она проваливалась в забытье, как в омут, и выныривала из него, словно аквалангист из глубины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.